

Литература

1. М. Цветаева. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994 — 1995. Т.1. — С. 7. Далее ссылки даются на это издание с указанием тома и страницы.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет М., 1975. — С. 75.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2004 г.

УДК 81' 37

Л. А. Петрова

**ИНТЕНЦИИ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Постановка проблемы. В современной лингвистике стало аксиомой утверждение о том, что формирование значений языковых единиц есть сложный механизм, связанный с процессами категоризации окружающего мира и языковых форм. “Слово, — отмечал О. М. Соколов, — является той ячейкой знания о внешнем мире, в которой аккумулируется и отражается в свернутом виде опыт поколений” [10, с. 3]. За каждым словом он видел не только понятие, но и определенную сцену, фрейм. “Сценическая закрепленность особенно характерна для глагольной лексики”, — отмечал ученый. [10, с. 20].

Изучение семантики глагольного слова привело к обнаружению тесных связей глагольной синтагматики с денотативным, коннотативным, экспрессивным, эмоциональным, стилистическим компонентами значения. Следовательно, все эти компоненты значения глагола должны рассматриваться через анализ глагольной сочетаемости с учетом не только количественных, но и качественных характеристик.

Характеризуя ЛСГ речи, лингвисты разграничивают три аспекта: информативный, акустический и коммуникативный. С. М. Антонова [2] считает необходимым добавить императивный, манифестационный и номинативный. В акустическом аспекте реализуется звуковая сторона речевой деятельности; номинативный аспект представляет речь как средство актуализации знакового характера языка и функцию языковых единиц называть; в манифестационном аспекте обнаруживается способность речи выражать мысли и чувства говорящего; речь как средство общения обнаруживает себя в коммуникативном, информационном и императивном аспектах — в общении как таковом, как способе передачи информации и воздействии говорящего на слушающего. Речевой процесс, таким образом, может быть представлен как структура, состоящая из шести компонентов.

Представляя денотативные факторы в семантике глаголов речи, Л. М. Васильев выделяет следующие элементы денотативной ситуации речемышлитель-

ной деятельности: 1) говорящий, 2) слушающий, собеседник, 3) процесс произношения (или написания), 4) процесс выражения мысли (а также чувства и воли), 5) процесс сообщения мысли и в связи с этим обращение к слушающему, речевой контакт, 6) объект (содержание) речи и 7) характеристика процесса или объекта речи. Причем, первые пять факторов, по его мнению, являются обязательными, а остальные — факультативными [5, с. 4]. В соответствии с этим выделяются глаголы, характеризующие внешнюю сторону речи; глаголы, характеризующие содержание мысли; глаголы, характеризующие коммуникативную сторону речи; глаголы речевого взаимодействия и контакта; глаголы со значением речевого побуждения и глаголы речи со значением эмоционального отношения и оценки.

Большое внимание изучению глаголов речи в художественном тексте уделила Н. С. Болотнова [4, 5]. Рассматривая особенности формирования образной перспективы изучаемого класса слов, исследовательница делает вывод о том, что “функционирование глаголов говорения в развернутом контексте определяется спецификой конструкций в плане соотношения реплик и ремарок; характером семантической структуры глаголов, использованных автором: типами отношений, складывающихся между рассматриваемыми лексическими единицами и другими элементами развернутого контекста (лексическими, грамматическими, фонетическими, графическими)” [4, с. 54]. Делая акцент на последнем факторе, автор выделяет отношения дополнения, усиления и контраста. Подробный, поддержанный интересным иллюстративным материалом анализ Н. С. Болотновой позволяет проследить многообразные случаи актуализации глаголов говорения в художественной речи.

Цель предлагаемого исследования — путем анализа синтагматических связей глаголов говорения в художественном тексте определить особенности референтной ситуации речевого действия, отраженного в художественной картине мира.

Общим смысловым идентификатором глаголов речи признается слово **говорить**, за которым в системе языка зафиксировано 6 значений. Выявленные контексты показали функционирование трех из них: **III. Владеть каким-л. языком. 2. Выразить в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщить факты и т. п.; произносить что-л.** 3. *Вести беседу, разговаривать.* Видовым коррелятом является глагол **сказать**, которому в тезаурусе русского языка присуще 7 ЛСВ. В наших примерах функционирует только одна семема: **1. Выразить словесно (в устной речи) какую-л. мысль, мнение, сообщить что-л.; произнести.**

Вербализация речевой деятельности осуществляется в результате отражения в сознании денотативной ситуации, характеризующейся следующими аспектами: а) произносительный (акустико-физиологический), б) экспрессивный (аспект выражения речи) и в) коммуникативный (аспект речевого контакта и сообщения мысли). В соответствии с этим рассмотрим характер синтагматических отношений глаголов “говорить” и “сказать”.

а) произносительный (акустико-физиологический) аспект. Как отмечают исследователи, это самая богатая (в семантическом, конструктивном, функци-

ональном, частотном отношениях) группа распространителей, “обладающая наибольшей силой диагностирования глаголов говорения” [2, с. 130]. В анализируемых текстах произносительные характеристики говорения эксплицируются следующим образом: *говорить, поджимая губы; противно выговаривать слова* (Нянька подошла, вытянула шею. — Крыса это, а не кот! Крыса. Ишь, здоровенная! Этакая любого кота загрызет! Крыса! Она так *противно выговаривала* это слово, *растягивая рот, и, как старая кошка, щерили зубы...* [Тэффи, Неживой зверь]); *говорили тихими голосами, всякий раз замолкая*, когда мимо проходил руководитель [П. Романов, Суд над пионером]; *сказать негромко; сказать торопливо; сказать полувопросительно; сказать невнятно, сквозь не вполне раскрывшиеся губы; сказать, повысив голос; сказать заплетающимся языком; сказать как-то беззвучно; сказать, запинаясь; сказать ясно и звонко, говорить заикаясь; говорить дрожащими губами; тихо переговариваться; говорила прерывистым бредовым голосом; распялить рот и сказать; сказать пронзительным шепотом.*

Обстоятельственные распространители актуализируют семантические признаки, которые не участвуют в определении семем “говорить”, “сказать”. В художественной картине мира важными становятся компоненты значения, отражающие особенности движения губ, языка, положения зубов. Такое представление речевого действия выполняет двоякую функцию: с одной стороны, подчеркивает особенности речи персонажа, а с другой, — указывает на его эмоциональное состояние или личностные характеристики. Так, дрожащие губы свидетельствуют об эмоциональном переживании, волнении; поджатые губы — признак недовольства, неудовлетворенности чем-либо; заплетающийся язык обычно соотносят с нездоровьем, физическим недомоганием. Акустическая характеристика речи выполняет и эстетическую функцию, порождая положительные или отрицательные эмоции у читателя.

б) экспрессивный аспект (аспект выражения речи): *сказать равнодушным и тем сильнее действующим тоном* (И самое большое удовольствие для Афоньки было *сказать равнодушным и тем сильнее действующим тоном*: — Кончилась твоя музыка, нельзя починить [П. Романов, Непонятное явление]); *говорить обиженно; говорить быстро и весело* (Тетя Нелли очень мне понравилась. У нее были чудесные голубые глаза, фарфоровое личико и пушистые волосы. И она так *быстро и весело говорила*, совсем не похоже на других моих теток, строгих и некрасивых [Тэффи, Брат Сула].); *говорить громко и раздраженно; говорить, тяжело вздохнув* (— Господи... — *говорит* она, *тяжело вздохнув, как будто в безысходной тоске и муке* [П. Романов, Осень]); *говорить ласково; говорить лениво; весело переговариваться на ходу* (По коридору прошли торопливо две барышни в шубках, *весело переговариваясь на ходу* [П. Романов, Иродово племя]); *весело говорить; мирно разговаривать; говорить ласково, преувеличенно ласково* (Каждый из жильцов, когда встречался с молчаливым взглядом ребенка, как-то терялся, *преувеличенно ласково заговаривал* с ним, стараясь в то же время выдумать какой-нибудь предлог, чтобы поскорее отойти [П. Романов, Хорошие люди]); *сказать решительно;*

сказать недоброжелательно; говорить против воли (— Что ж, милости просим. — Отчего же не принять... — *сказали* остальные уже *совершенно против воли* и только потому, что один сказал и молчать было неудобно...); *сказать угрюмо; сказать возбужденно; сказать мрачно; сказать с досадой; сказать раздраженно; сказать недовольно; проговорить покорно-жалобно; сказать ворчливо, полусердито, полуворчливо* (Тихон сказал, что приготовиться надо, и стал было слабеющими руками сам открывать сундук. — Да ну, пусть, где тебе!.. — *ворчливо, полусердито сказала* Аксинья, как она *всегда полуворчливо говорила* ему за долгие годы совместной жизни [П. Романов, *Смерть Тихона*]); *сказать печально; сказать хмуро; сказать возбужденно; сказать угрюмо; сказать иронически; сказать с гневом; сказать растерянно; сказать ласково; сказать решительно; сказать нерешительно; говорить дружелюбно; говорить истерически; рассказывать так безнадежно уныло; говорить, дрожа от нетерпения; говорить робко; говорить страдальчески; говорить могильным голосом; говорить вдохновенно; говорить задумчиво; говорить обиженно; говорить радушно; говорить без ломанья; сказать трагически; сказать пылко; сказать любовно; сказать хорошо, искренне.*

Денотативное пространство глаголов говорения определяет участие в коммуникативном акте, обозначенном этими единицами, субъекта речи и адресата. В связи с этим экспрессивность речевого процесса может быть связана с психологическим состоянием либо первого участника, либо второго. В художественной картине мира превалирует эмоциональная характеристика речи говорящего. Она может иметь положительную оценку (*весело, ласково, дружелюбно, любовно* и т. п.) и отрицательную (*с гневом, трагически, угрюмо, сердито, ворчливо* и т. п.). Художественная интерпретация речевого действия может приводить к референции, в которой одновременно актуализируются экспрессивная и физиологическая характеристика. Например, в текстах *Старушка горестно, озабоченно смотрела перед собой в землю, собрав рот в горсть, потом, наконец, видимо решившись, подняла привычным жестом руку ко лбу, чтобы перекреститься, как крестятся перед начатием дела, но сейчас же как-то испуганно опустила ее и, вся потемнев, изменившимся голосом торопливо проговорила:* — Ну... делай, как говорил [П. Романов, *Яблоневый цвет*]. Он <дедушка> *говорил скоро, так что даже покраснел, и смотрел на всех пугливо и быстро, точно справлялся — правится ли то, что он говорит* [Тэффи, *Дедушка Леонтий*] глаголы говорения использованы в синтагматическом контексте, эксплицирующем артикуляционно-акустические признаки речевого акта (*проговорила торопливо, изменившимся голосом; говорил скоро*). Однако анализ всего предложения показывает, что в семантической структуре наречий *торопливо* и *скоро* сема “спешно, как можно быстрее” погашена.

в) коммуникативный аспект (аспект речевого контакта и сообщения мысли): *сам с собой разговаривал; говорили каждый свое* (*Разговаривают мало*, и так как оба слышат плохо, то *каждый говорит свое*. Если что и удастся расслышать, то понимается оно туговато, так что уж, конечно, *интереснее просто*

рассказывать про свое, родное, давно пережитое, хорошо понятое и много раз вспомнутое [Тэффи, Тихая заводь]; Было уже 10 часов вечера, потом 11, 12, а они все еще *говорили*, вернее, *говорил один Аvenir. Говорили о политике, о воздухоплавании, о войне, и Аvenir нигде не отставал и никогда не сдавался*. Он имел такой вид, как будто только что приехал с места, где он все видел и изучил, а Андрей Христофорович сидел в глуши и ничего не знает [П. Романов, Русская душа]); *проговорил* овчинник, *сплюнув*; ...она опустила голову и, *хитро улыгнувшись, договорила; сказал, приложив себе руки к груди...*; *сказал кузнец, покачив головой; подойдя к телеге, сказал, указав на разломанный сарай; сказал кто-то в раздумье, уходя; сказал, как-то неприятно засмеявшись; об этом не стоит говорить, — сказала, засмеявшись*, Лидия Николаевна. — Я бы не сказал, что не стоит... — возразил Ральф; *отозвался как-то беззвучно; продолжала с тем же наивным выражением; прищурясь, сказал...*; *вскользь* <демоническая женщина> *говорит; переговариваться отдельными группами* (Мужики тихо переговаривались отдельными группами [Тэффи, Соловки]); *говорить прямо; говорить (совершенно) серьезно; говорить откровенно; сказать, сконфузившись*.

В коммуникативном аспекте процесс говорения осложняется сопутствующими жестовыми и/или интеллектуальными действиями. Причем, нередко они носят оценочный характер. Семы, характеризующие мимику и жесты говорящего, не включаются в семантическую структуру глаголов речи. Однако можно утверждать, что эти компоненты влияют на формирование семантики слова, функционирование семантики слова, функционирующего в речи (ср.: *сказал, покачив головой — сказал с сожалением, проговорила, хитро улыгнувшись — проговорила насмешливо*).

Выводы. Глаголы речи (говорения) формируют в художественной картине мира широкое семантическое поле. Денотативное пространство речевого действия, представленное акустико-физиологическим, экспрессивным и коммуникативным планом, интерпретируется в художественной картине мира с учетом их референциальной соотнесенности.

Анализ речевых интенций глаголов говорения в художественном тексте дает возможность сформировать представление не о “мире реальных участников коммуникации, в процессе которой было употреблено то или иное языковое выражение, а ту картину мира, которую должны иметь участники коммуникации, чтобы употребление языковых выражений (с референциальной точки зрения) считалось корректным” [12, с. 16].

Литература

1. Анна А. Зализняк. Глагол “говорить”: три этюда к словесному портрету // Язык о языке. — М., 2000.
2. Антонова С. М. О роли обстоятельственной сочетаемости в актуализации семантики глаголов говорения // Семантическая структура слова. — Кемерово, 1984. — С. 127-135.
3. Антонова С. М. Глаголы говорения в языке А. С. Пушкина: номинативный и деривационный аспект // Словообразование и номинативная деривация.

Материалы Международной научной конференции, посв. памяти профессора В. М. Никитевича. — Гродно, 2004. — С. 19-28.

4. Болотнова Н. С. К вопросу о функциональном анализе глаголов в минимальном контексте (на материале слов, обозначающих внешнюю и внутреннюю речь в произведениях Ю. М. Нагибина) // Проблемы глагольной семантики. — Свердловск, 1984. — С. 85-94.

5. Болотнова Н. С. Функционирование глаголов говорения в конструкциях с прямой речью (на материале произведений Ю. М. Нагибина) // Классы глаголов в функциональном аспекте. — Свердловск, 1986. — С. 53-60.

6. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. — М.: Высшая школа, 1981. — 184 с.

7. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Гак В. Г. Языковые преобразования. — М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. — С. 272-309.

8. Крылова И. А. Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи: 10.02.01 — русский язык / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. — Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1996. — 21 с.

9. Соколов О. М. Методические рекомендации к изучению курса "Проблемы лексики и семантики русского языка как иностранного". Раздел "Семантическая структура слова в русском языке". — М.: Изд-во УДН, 1989. — 52 с.

10. Соколов О. М. Типы актантной распределенности семантики русского глагола // Вопросы глагольной семантики. Памяти профессора О. М. Соколова. — Симферополь, 1993. — С. 6-18.

11. Степанова Г. В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке: 10.02.01 — русский язык / Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. — Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1970. — 18 с.

12. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2004 г.

УДК: 821. 161. 1 — "16" + 291. 37

О. В. Пуреховская

ЛИТЕРАТУРНО-РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ "СПОР О ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИИ" 2-Й ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

В статье предпринята попытка нового — комплексного осмысления литературно-религиозно-философской проблемы Пресуществления, актуальной во 2-й половине XVII столетия.